

исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ», въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1901 г. онъ напечаталъ изслѣдованіе: «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XV—XVI вѣкахъ». Личность и дѣятельность Еѳимія, патріарха тырновскаго, свидѣтеля разрушенія Болгарскаго царства турками и окончательнаго паденія Болгаріи, особенно интересовали покойнаго русскаго ученаго, и характеръ работъ П. А. давалъ надежду, что наука получитъ отъ него возможно полное освѣщеніе этой эпохи. П. А. много путешествовалъ по славянскимъ странамъ: онъ не разъ бывалъ и жилъ въ Чехіи, Венгріи, Хорватіи, Сербіи, Далматіи, Болгаріи и Черногоріи, ѣздилъ въ Венецію и Римъ и тамъ работалъ въ бібліотекахъ и архивахъ. Плодомъ этихъ поѣздокъ были отчеты, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ собою ученые трактаты. Послѣдніе годы жизни покойнаго были омрачены душевнымъ недугомъ, происшедшимъ отъ нервнаго расстройства. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10531; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 138, и «Слово», 1905 г., № 189).

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

I.

Пушкинъ и Лелевель.

Получивъ 11 аурѣля 1834 г. отъ графа Григорія Александровича Строганова листокъ франкфуртскаго журнала, въ которомъ была напечатана корреспонденція изъ Петербурга отъ 27 февраля того же года, Пушкинъ былъ такъ взволнованъ этой статьёю, что не только отмѣтилъ сейчасъ же полученіе журнала въ своемъ дневникѣ, но даже переписалъ эту статью, всегда перепечатывающуюся во всѣхъ изданіяхъ Пушкина среди уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ его дневника. Эта статья—рѣзкій отвѣтъ на «выдумку» польскаго патріота и историка Іоахима Лелевеля, приписавшаго Пушкину въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ русскаго правительства какія-то «строфы», проникнутыя революціоннымъ духомъ. Лелевель привелъ «пушкинскія строфы», какъ говорить написанная въ отвѣтъ ему статья, для того, чтобы плюсририровать съ помощью ихъ политическое направленіе русской молодежи. При этомъ франкфуртскій журналъ заступился за Пушкина, но крайне неумѣло и безтактно. «Не знаемъ, — писалъ онъ, — сложилъ ли А. Пушкинъ строфы, приведенныя Лелевелемъ, въ тѣ времена, когда его замѣчательный талантъ еще не перебродилъ и не избавился отъ накипи, но можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрять, что со временемъ онъ раскается въ первыхъ опытахъ своей музыки, давшихъ врагу его отечества право видѣть въ немъ своего собрата по идеямъ

и намѣреніямъ. Что касается до мнѣнія Пушкина о польскомъ возстаніи, то оно выражено въ его пьсѣ: «Клеветникамъ Россіи», которую онъ въ свое время выпустилъ въ свѣтъ. Такъ какъ, однако, г. Лелевель, повидимому, обнаруживаетъ любопытство насчетъ судьбы поэта, «сосланнаго въ отдаленные края имперіи», то естественное человѣческое чувство заставляетъ насъ сообщить ему, что Пушкинъ живетъ въ Петербургѣ, часто бывая при дворѣ и пользуясь милостью и расположеніемъ своего государя». Благодаря графа Г. А. Строганова за присылку франкфуртскаго журнала, Пушкинъ тогда же писалъ ему: «Довольно печально искупаю я химеры моей молодости. Объятія Лелевеля показываются мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако, очень благодаренъ вамъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ эту статью: она послужитъ мнѣ матеріаломъ для отвѣда». Думая возразить Лелевелю, Пушкинъ переписалъ статью франкфуртскаго журнала, но возраженіе не было написано. Въ дневникѣ Пушкина записано (посредиѣ франкфуртской статьи, см. «Сочиненія А. С. Пушкина», ред. П. А. Ефремова, т. V, Сиб., 1903, стр. 647): «Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря». П. И. Бартеневъ, впервые напечатавшій это письмо въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., ст. 1748—1749, и неправильно отнесшій его къ 1831 г., говоритъ (i. e.): «Лелевель въ одной изъ рѣчей своихъ позволилъ себѣ выразиться, будто сочиненія Пушкина направлены противъ правительства, и тѣмъ онъ будто помогаетъ польскому дѣлу». Какъ мы увидимъ, г. Бартеневъ не совсѣмъ правъ и, повидимому, не зналъ рѣчи Лелевеля, такъ возмущившей Пушкина, а самъ Пушкинъ тоже ошибся, думая, что рѣчь была произнесена на праздникѣ, устроенномъ поляками «въ годовщину 14-го декабря». Далеко не безынтересно будетъ выяснить, чтд именно сказалъ о Пушкинѣ Лелевель, чтд приписалъ онъ Пушкину.

Рѣчь польскаго историка дошла до насъ. Она напечатана въ изданіи: «Polska dzieje i rzecze jej rozpatrywane przez Ioachima Lelewela», tom XX; «Mowy i pisma polityczne, dzieło pośmiertne, wydane przez Rykaczewskiego». Poznań, 1864¹⁾. XXXII-я глава этого собранія рѣчей и статей Лелевеля носитъ такое названіе: «Рѣчь, произнесенная въ Брюсселѣ 25 января 1834 г., въ годовщину сверженія Николая съ польскаго престола, а также въ память русскаго возстанія 1825 г. и гибели русскихъ патріотовъ». Въ этой рѣчи (ор. cit., стр. 192—193 и 195—196) Лелевель два раза упоминаетъ о Пушкинѣ, выставляя его, какъ совершенно справедливо указалъ франкфуртскій журналъ, выразителемъ убѣжденій русской молодежи. Вотъ что говоритъ онъ о Пушкинѣ и вотъ какія произведенія ему приписываетъ.

«Недавно одинъ молодой русскій поэтъ (внизу, подъ звѣздочкой: «Пушкинъ») послалъ царю такую сказочку: «Нѣкто, проходя мимо нещеры, услышалъ исходящій изъ ея глубины провзительный крикъ, жалкіе стоны. Движимый чувствомъ челоуѣколюбія, онъ взялъ огонь, вошелъ туда и, къ вели-

¹⁾ За сообщеніе этого указанія приношу благодарность П. Е. Рейнботу.

кому удивленію своему, увидѣлъ, что какой-то человѣкъ одинъ метался среди множества испуганныхъ людей, колотя, увѣча, терзая всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Такъ вотъ отчего эти люди кричатъ, вотъ отчего они стонутъ! Но какъ только свѣтъ озарилъ эту поразительную сцену, всѣ сообразили, что палачемъ ихъ былъ всего только одинъ человѣкъ. Не ожидая никакого ободренія, они его связали, и вопли затихли. Какъ только былъ внесень свѣтъ, спокойствіе и счастье водворились въ пещерѣ». За эту сказочку царь сослалъ молодого поэта въ самые отдаленные края государства. Русская молодежь поняла сказочку и примѣнила ее къ своему царю» (стр. 192—193). Далѣе Лелевель знакомить слушателей съ содержаніемъ другой «сказочки Пушкина», которую «упомянутый молодой поэтъ прислалъ царю изъ глубины изгнанія: «У одного короля былъ другъ, который давалъ ему добрые совѣты и говорилъ правду. Это такъ надобло королю, что онъ отдалилъ друга отъ себя. Отдѣленный отъ короля огромнымъ разстояніемъ другъ уже не могъ подавать ему во-время свои совѣты, и вотъ онъ прислалъ ему зеркало, которое показывало пороки тѣхъ, кто въ него глядѣлся. Король, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія исправиться, взглянулъ какъ-то въ зеркало. Но вмѣсто того, чтобы измѣниться къ лучшему, онъ тутъ же такъ разсердился, что разбилъ зеркало. Оно разлетѣлось на кусочки, и съ той поры каждый изъ этихъ осколковъ носить въ себѣ отдѣльное отраженіе пороковъ короля». Правду повѣдалъ поэтъ, и ее испыталъ на себѣ Николай. Польская революція была для него этимъ зеркаломъ. Онъ ее разбилъ, а теперь, куда ни посмотреть онъ, ея разбросанные остатки вѣрно напоминаютъ ему о его постуикахъ» (стр. 195—196).

Возмущеніе Пушкина очень понятно. Извѣстно его отношеніе къ польскому возстанію, выразившееся въ гнѣвномъ посланіи «Клеветникамъ Россіи». Графъ Е. Е. Комаровскій рассказывалъ, что во время возстанія какъ-то встрѣтилъ на прогулкѣ Пушкина, угрюмаго и взволнованнаго. «Отчего вы не веселы, Александръ Сергѣевичъ?»—спросилъ онъ его. — «Да все газеты читаю». — «Что жъ такое?» — «Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году!»—отвѣтилъ Пушкинъ («Русскій Архивъ», 1879 г., I, 385; «Девятнадцатый вѣкъ», сборникъ П. Бартевева, I, М., 1872 г., стр. 386). Съ радостью узналъ онъ о взятіи Варшавы. «Вы были вѣстницею славы и вдохновеньемъ для меня»,—писалъ онъ А. О. Россетъ, сообщившей ему о паденіи возмущившагося города. Торжествуя взятіе Варшавы въ своей «Бородинской годовщинѣ», онъ съ негодованіемъ обрушивается на «мутителей палатъ» и «легкоязычныхъ витій». Въ словахъ Лелевеля онъ справедливо увидѣлъ «легкоязычіе витій», не только непріятное ему по духу, но еще опасное для него по тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя оно могло накликатъ на голову Пушкина со сторовы вѣчно державшихъ его подъ надзоромъ подозрительныхъ властей. Замѣтка франкфуртскаго журнала, не менѣе безтактная, чѣмъ выдумка (или ошибка) Лелевеля, тоже оказывала Пушкину плохую услугу, бросая на него тѣнь подозрѣнія, оставляя лишь подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ принадлежность его перу рассказанныхъ Лелевелемъ «сказочекъ», вмѣсто того, чтобы прямо отвергнуть авторство Пушкина, и увѣряя, что онъ еще покается въ «грѣхахъ юности».

Пушкинъ въслѣдствіи говорилъ о Лелевелѣ съ С. А. Соболевскимъ, А. О. Смирновой («Записки А. О. Смирновой», часть I, Сиб., 1895, стр. 275, 282), но Смирнова не приводитъ его отзывъ о польскомъ дѣятелѣ. Имя Лелевеля Пушкинъ упоминаетъ въ найденномъ И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 29—30) черновомъ наброскѣ: «Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ», «Ты пилъ здоровье Лелевеля», «Ты славилъ имя Лелевеля». И. А. Шляпкинъ относитъ этотъ набросокъ къ періоду 1830—1834 гг., тогда какъ въ немъ Пушкинъ говоритъ о польскомъ возстаніи, такъ что самымъ раннимъ временемъ созданія этихъ стиховъ можетъ быть конецъ 1831 г.; въ своемъ примѣчаніи (ор. cit., стр. 30) г. Шляпкинъ, очевидно, раздѣляя указанную выше ошибку Пушкина, относитъ рѣчь Лелевеля къ декабрю 1833 года.

Николай Лернеръ.

II.

Поправка къ изданіямъ Пушкина.

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Замятокъ и поправокъ» (стр. 1068—1069) Н. Лернеръ посвящаетъ замятку эпиграммѣ «Надпись на мой портретъ», приписанной Пушкину, вѣроятно, со словъ лицейскаго его товарища Ѳ. Ѳ. Матюшкина, моимъ покойнымъ отцомъ («Русская Старина», 1884 г., мартъ, стр. 664, гдѣ она была впервые напечатана) и съ тѣхъ поръ входившей во всѣ изданія сочиненій поэта. Г. Лернеръ, исправляя ошибку покойнаго редактора академическаго изданія Л. Н. Майкова, сказавшаго, что у Я. К. Грота былъ въ рукахъ «автографъ» этого стихотворенія, тогда какъ онъ сообщалъ лишь о спискѣ, сдѣланномъ рукою Матюшкина для сборника Илличевскаго «Лицейская Антологія», возбуждаетъ сомнѣніе въ принадлежности этого четверостишія Пушкину. Основываясь на томъ, что эпиграмма эта (1816 г.) не могла относиться къ изображенію самого поэта (какового тогда еще не было), и что предположеніе объ отнесеніи Пушкинымъ въ данномъ случаѣ его «я» къ кому либо другому, при глубокой субъективности его поэзіи, является натяжкой, г. Лернеръ находитъ, что для приписанія этой эпиграммы Пушкину нѣтъ достаточныхъ данныхъ, нѣтъ прямого, неопровержимаго свидѣтельства. Самъ Матюшкинъ, если отъ него пошло это приписаніе, могъ ошибиться и ввести въ заблужденіе и моего отца. Г. Лернеръ предлагаетъ поэтому воздержаться отъ печатанія «Надписи на мой портретъ» въ будущихъ изданіяхъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что «и поэтическое достоинство этой эпиграммы не очень высоко».

Считаю долгомъ отозваться на эту замятку и заявить, что г. Лернеръ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ, что чутье его не обмануло. Остается предположить, что мой покойный отецъ былъ дѣйствительно введенъ въ заблужденіе относительно этой пьесы самимъ Матюшкинымъ, который ее списалъ для «Лицейской Антологіи», или къмъ либо изъ другихъ товарищей поэта. Эпиграмма «Надпись на мой портретъ» принадлежитъ не Пушкину, а Дельвигу.